

Глава 19 Битва слов

Поскольку Сюй Гуанчжи хотел сделать себе имя, он тайно послал людей распространять новости о дебатах. Он также пригласил многих литературных гигантов и знаменитостей приехать, чтобы понаблюдать за битвой и сделать себе имя.

На следующий день, когда Гуань Суй поспешно пришла в здание Вэньцуй, оно уже было полно людей. К счастью, она уже была готова. Прошлой ночью она потратила кучу денег, чтобы получить отдельную комнату на втором этаже у перил, иначе, даже впахнувшись туда вместе с другими, не нашлось бы другого места.

Мельком увидев Старого Мастера Гуана и отца Гуана, сидящих в большом зале, она быстро поплотнее натянула шляпу с вуалью и снова собрала черную марлю, чтобы они ее не узнали.

“О, почетный гость, наконец-то ты здесь”. Продавщица кивнула и поклонилась, чтобы поприветствовать ее, извинившись: “Уважаемая гостя, видите ли, наш магазин сегодня переполнен, и владелец магазина сказал, что мы не можем выгнать покупателей, поэтому мы должны принять всех их. В данный момент, не говоря уже о том, что негде сесть, даже негде встать. Отдельные комнаты на втором этаже также были снесены и заменены круглыми столами. Если вы не возражаете, можете подняться наверх и заняться другими делами. Если вы не возражаете, мы вернем вам задаток. - Она указала на второй этаж, и его тон стал более внимательным. - На самом деле, это не имеет значения. Вы посмотрите на это, все делают именно так. Кроме того, мы вернем ваш задаток в полном объеме и дадим вам скидку 20% на чай и закуски, а также гарнир бесплатно. Что вы об этом думаете?”

Гуань Суй подняла глаза, втайне удивляясь. Жители Яньцзина были слишком праздны, огромное здание Вэньцуй было почти заполнено. Не только большой зал на первом этаже был переполнен, но и на втором этаже тоже было очень оживленно. Все отдельные комнаты на втором этаже были разделены ширмами. Владелец магазина подумал, что это займет слишком много места. В этот момент все ширмы были сняты. Когда она огляделась, то увидела, что у перил было полно людей, причем очень плотно.

В это время неоконфуцианство Сюя еще не возобладало, поэтому разделение на мужчин и женщин было не очень важным. Там были хорошо одетые знатные дамы, которые делили стол с другими, и было даже несколько девушек из племени Цзюли, которые носили мужскую одежду, смешивались с толпой и свободно разговаривали.

Гуань Суй не была лицемерным человеком, она быстро согласилась и пошла наверх с опущенной головой.

На углу второго этажа, прислонившись к перилам, стоял высокий красивый мужчина, держа в руке маленькую изящную фляжку, с неторопливым видом покачиваясь из стороны в сторону. Заметив продавщицу, ведущую в магазин женщину в шляпке с вуалью, и часто поглядывающую в этом направлении, он не мог не поднять брови и улыбнуться: “Драгоценная внучка Старого Мастера Гуана тоже здесь. Помнишь ее? Это ваша Чжаои Няньнянь, у которой нет ни малейшего шанса попасть во дворец.” Закончив говорить, он достал из кошелька буддийскую бусину сандалового дерева и со звоном бросил ее на поднос.

Услышав эти слова, высокий мужчина, который пришел с ним, тоже подошел к перилам и посмотрел вниз: “На ней шляпка с вуалью, откуда вы знаете, что это внучка старика?”

Красивый мужчина не ответил, а только похлопал по кошельку у себя на поясе. Высокий мужчина, казалось, холодно фыркнул и, казалось, ничего не ответил. Он вернулся в прежнее

место с золотым мечом и продолжил закрывать глаза, чтобы дать отдых своему разуму. В конце концов, красивый мужчина больше не мог сдерживаться и с любопытством спросил: “Я слышал, что Гуань Суй обладает красивой внешностью, выдающимся талантом и исключительно мягким и добродетельным характером. Такая хорошая женщина, как она может быть отдана этому трусу Чжао Лули?” После этих слов он достал из кошелька еще одну буддийскую бусину и бросил ее на поднос.

Высокий мужчина поднял веки и сказал небрежным тоном: “Я видел ее однажды, но я не мог ясно разглядеть ее лицо, но ее красноречие было довольно хорошим. По сравнению с большинством женщин, она довольно хорошо осведомлена. Но, в конце концов, она внучка Гуань Цигуана, и, боюсь, что у меня нет благословения, чтобы наслаждаться ею. Раздражает слушать, как Гуань Цигуан целыми днями говорит о человечности и морали, а язык его внучки еще острее. Если мне снова придется это слушать, когда я вернусь в гарем, у меня скиснут зубы. Неудивительно, что вы называете конфуцианских ученых кислыми учеными, оказывается, это из-за этого, я наконец понимаю.”

Высокий мужчина потер брови, и, казалось, у него болела голова. Красивый мужчина громко рассмеялся, выражение его лица было очень злорадным.

Во время разговора императорская гвардия, охранявшая периферию, доложила: “Мой господин, владелец магазина привел кого-то, чтобы разделить с ним стол, сказав, что это место уже зарезервировано этим человеком, видите ли...”

Красивый мужчина не ответил, просто постучал костяшками пальцев по перилам. Охранник понял, махнул рукой, чтобы продавщица подошла.

Гуань Суйи внимательно наблюдала за гостем, который пришел раньше нее. Хотя на ее лице этого не было видно, внутри она была слегка удивлена. Никогда не ожидала, что человеком, который разделит с ней стол, будет Цинь Линъюнь.

Цинь Линъюнь был всего лишь маркизом Чжэньси, который исчез из двора, и, казалось, находился в аналогичной ситуации с Чжао Лули, но в будущем он станет самым острым ножом в руках императора Шэн Юаня, а также станет первым безжалостным чиновником Вэй, печально известным тем, что потряс всю Центральную равнину. Он был представителем школы легализма. Он был не только красноречив и умен, но и обладал изощренными методами и глубокой интригой. Чтобы устранить диссидентов и укрепить императорскую власть для императора Шэн Юаня, он совершил много неприглядных поступков.

Когда Гуань Суй умерла, этот человек сражался с Сюй Гуанчжи в темноте, и она не знала, кто в конце концов победил. В прошлой жизни людей, погибших от его рук, было если не десять тысяч, то по крайней мере восемь тысяч. Из-за этого он получил титул “Живой король Ада”, которого, как говорили, все боялись, но, по мнению Гуань Суй, он был просто жалким человеком с недостижимой любовью.

Кстати говоря, трагедия Цинь Линъюнь все еще была чем-то похожа на ее опыт. Он потерял своих родителей еще в детстве, а его старший брат был слаб и болен, постоянно нуждался в лекарствах. Он смог благополучно вырасти благодаря своей невестке. Его невестка, Ли Ши, была на пять лет старше его. После замужества в обедневшей семье Цинь ей приходилось не только заботиться о муже, растить шурина, но и пахать поля и сажать урожай, жизнь была нелегкой. Но она никогда не жаловалась и не унывала. Хотя через несколько лет она овдовела, она благополучно воспитала своего шурина и оплатила его обучение грамоте.

Цинь Линъюнь был человеком, который знал, как ответить на доброту, и относился к Ли Ши очень нежно, но из-за своего юношеского духа он разозлил местную знать и был вынужден покинуть свой родной город. И, как и Чжао Лули, ему очень повезло, он неожиданно сблизился с императором Шэн Юанем. С тех пор он бросил свое перо, чтобы вступить в армию, и восстал, поклявшись отомстить своему родному городу. Когда он сбежал, то не забыл прихватить с собой Ли Ши. Эти два человека полагались друг на друга в своей жизни, жизнь и смерть были вместе. Со временем у них появились чувства друг к другу, сначала Ли Ши не решалась согласиться из-за этики, но в конце концов она была тронута его искренностью и готова снова выйти замуж.

В результате, как раз в тот момент, когда они оба были близки к тому, чтобы получить то, что хотели, неоконфуцианство Сюя внезапно подуло, как демонический ветер, нарушив их счастливое событие. Не говоря уже о том, что патриарх клана Ли был старым учеником конфуция, и на него оказало глубокое влияние неоконфуцианство Сюя, он фактически обманул Ли Ши, чтобы она вернулась домой, а затем тайно утопил ее в пруду. Когда Цинь Линъюнь получил известие и побежал, чтобы спасти ее, он нашел только холодный и окоченевший труп. Это душераздирающее чувство было невообразимым.

После этого Цинь Линъюнь столкнулся с кланом Ли, мировыми конфуцианскими учеными и даже Сюй Гуанчжи, и его темперамент становился все более и более жестоким. Гуань Суй умерла раньше него, но она могла предвидеть его конец, там были только эти фразы - когда все надежды превратятся в пыль, тогда просто уничтожь все.

Потому что товарищи по несчастью соперничают друг другом, а в это время Цинь Линъюнь еще не потерял свою любовь, и его характер не изменился кардинально, поэтому Гуань Суй не стала уклоняться и медленно подошла, чтобы поприветствовать. "Гуань Суй опрометчиво пришла беспокоить и надеяться на прощение, осмелюсь спросить, кто вы такой, уважаемый?"

Цинь Линъюнь не ответил, а вместо этого посмотрел на стоявшего рядом с ним высокого мужчину, который притворялся охранником. Мужчина ответил: "Цинь Линъюнь".

"На самом деле это маркиз Чжэньси, я давно восхищаюсь этим именем". Гуань Суй еще раз подняла руку и увидела, что продавщица собирается передвинуть между ними ширму, поэтому она махнула рукой и сказала. "Не нужно, просто поставьте его здесь, загораживая вид на приставной столик. Мы знаем друг друга."

Продавщица поспешно установила экран в указанном ею месте, и, получив серебро, она радостно ушла. Это был угол, ближайший к стене, и экран использовался для того, чтобы блокировать обзор всех, кто находился по другую сторону перил, образуя отдельное пространство.

Почувствовав, что вокруг стало намного спокойнее, Гуань Суй медленно села на свое место, а затем посмотрела на высокого мужчину и слегка задумалась. Цинь Линъюнь был восьми футов ростом и обладал крепким телосложением, но его личный телохранитель был на полголовы выше его и имел густую бороду. Мышцы на его груди и предплечьях были выпуклыми, с волнистыми линиями вен, черная униформа была на нем до предела натянута, а пара звездных глаз была глубокой и непостижимой, подразумевающая злых духов. Он должен быть экспертом, который приходил и уходил во время крови и дождя, и, глядя на его глубокие и резкие черты лица, он должен быть членом племени Цзюли.

В прошлой жизни она слышала, что Цинь Линъюнь защищал охранник из племени Цзюли, обладающий выдающимися боевыми искусствами. Гуань Суй установила связь между этим

человеком и тем, кто был в ее представлении, кроме того, что втайне считала, что этот человек слишком силен, она не особо задумывалась об этом. Они вдвоем сидели, облокотившись на перила, и смотрели вниз.

Гуань Суй указала на Сюй Гуанчжи, который стоял на высокой платформе, и уверенно сказала: "Если вы не сделаете ставку, школа легализма, несомненно, проиграет".

О, она начала бросать вызов, как только пришла, действительно достойная того, чтобы быть внучкой Старого Мастера Гуана. Цинь Линъюнь поднял бровь, выглядя недовольным. Высокий мужчина, стоявший позади него, слегка приоткрыл губы, но ничего не сказал.

Гуань Суй сказала несколько слов и увидела, что Цинь Линъюнь всегда был небрежен, или кивал и качал головой, не произнося ни слова, она уже думала об этом в своем сердце, а затем бросила взгляд на несколько буддийских четок на подносе, наконец сказала: "Вы практикуете медитацию с закрытым ртом?".

Цинь Линъюнь выглядел удивленным, как будто спрашивал ее, откуда она знает. Гуань Суй в это время тоже была в напряжении, махнула рукой и улыбнулась, не сказав ни слова. Она слушала, как другие обсуждали этот вопрос в прошлой жизни, и если бы не увидела буддийские четки, то почти забыла о нем. Если подумать, Цинь Линъюнь уже признался своей невестке в этот период времени, но та строго отвергла его и сказала, чтобы он больше не упоминал об этом в будущем. Цинь Линъюнь почувствовал боль и отчаяние в своем сердце, но отказался смущать свою невестку, поэтому он начал медитировать.

Обычным людям было не так-то легко практиковать медитацию с закрытым ртом, если он не будет внимателен, он нарушит обет, поэтому он приготовил кошелек, положил в него сотню буддийских бусин, каждый раз, когда он произносил предложение, он вынимал бусины, и когда кошелек опустел, даже если бы это убивало его, он бы больше не произнес ни полслова. Сначала это было 100 предложений в день. Через полгода он сократил до 10 предложений в день. Через год он стал совершенно немым.

Ли Ши не была безжалостна к нему, как она могла видеть, что он так мучается, и после безрезультатных уговоров ей пришлось выполнить его экстравагантную просьбу. Конечно, экстравагантность в конечном счете была экстравагантностью, и ей было суждено оказаться безнадежной. Вспоминая прошлое, Гуань Суй не могла не грустить. К счастью, черная вуаль закрывала ее лицо, так что Цинь Линъюнь ничего не заметил.

Между их молчанием начались дебаты. Стоя на высокой платформе, Сюй Гуанчжи взял кисть и написал четыре иероглифа на огромной деревянной доске — Фагу Сюньли.

Конфуцианство выступало за то, чтобы древние следовали ритуалам, в то время как легализм - за то, что древние незаконны и не соответствуют современности. Исходя из этого, две идеи были совершенно противоположными. Можно было видеть, что это было предметом сегодняшних дебатов. Цинь Линъюнь, который сидел и пил, изобразил задумчивое выражение лица. Его личный телохранитель сказал хриплым и гнусным голосом: "Эта тема немного интересна".

Гуань Суй подперла лоб руками, подумав про себя, что она ненавидит только то, что она внучка Гуань Цигуана. В противном случае она представляла бы школу Легализма и вступила бы в бой с Сюй Гуанчжи, и она бы точно разрушила его мечту стать чрезвычайно благородным чиновником.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2274450>